

Это непридуманная история
мужественной девушки, которая смогла
сохранить любовь к жизни и людям, юмор,
не сломаться и стать всемирно известной
писательницей.

ЭЛИС ПЕТЕРСОН

ДРУГАЯ ЭЛИС

ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!

Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон

Элис Петерсон

Другая Элис

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Петерсон Э.

Другая Элис / Э. Петерсон — «Эксмо», 2013 — (Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон)

ISBN 978-5-04-090251-4

Любовь, мальчики, учеба – это ли не главные заботы восемнадцатилетней девушки? Возможно. Но у Элис Петерсон все сложилось иначе. В разгар теннисной карьеры ей поставили страшный диагноз – ревматоидный артрит. С тех пор ее жизнь превратилась в бесконечную борьбу – с болью, унынием, отчаянием. Элис пришлось заново учиться жить, преодолевая боль, которая превращала ее жизнь в ад. Это непридуманная история мужественной девушки, которая смогла сохранить любовь к жизни и людям, юмор, не сломаться и стать всемирно известной писательницей.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-090251-4

© Петерсон Э., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Благодарность	6
Предисловие	7
Один. Испытание: Часть I	10
Два. Семя вот-вот даст росток	12
Три. Эластичная лента	14
Четыре. Шансы и уловки	17
Пять. Билл	23
Шесть. Региональная проба	27
Семь. Тренинг	29
Восемь. Один день жизни. Победа в турнире	32
Девять. Эдинбург	35
Десять. Нервы... нервы...	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Элис Петерсон

Другая Элис

Alice Peterson
ANOTHER ALICE

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Благодарность

Я буду до конца жизни благодарна от всей души Роберту Кроссу – моя первая строчка никогда не была бы написана без него и его неколебимой веры в меня. А также я благодарна Мэри, супруге Роберта – спасибо! А еще Белле Поллен, побудившей меня копать глубже, рассказать людям, каково было мне бороться с болезнью старения.

Моей сестре Элен – спасибо тебе за то, что ты всегда была для меня самым добрым другом – лучшим другом.

Моим родителям – без их самоотверженной любви и поддержки меня бы уже не было на свете.

Моя история – это долгая и изнурительная борьба, в которой мне помогали многие люди. Самым важным уроком для меня было открытие, что больно не только мне – моя боль глубоко затронула и других. От всего сердца я хочу поблагодарить всю мою семью и всех моих друзей. Хочу, чтобы они поняли, насколько жизненно необходимой была для меня их поддержка, их любовь.

Моим маме и папе

Предисловие

В начале лета 1997 года Джасмин, моя миниатюрная жесткошерстная такса, принесла двух восхитительных щенков, и я даже думать не могла о том, что их продадут. Я упрашивала маму оставить обоих.

– Уверена, мы подыщем им хороших хозяев, – сказала мама. – К нам приезжает наш большой друг Роберт Кросс с женой Мэри; кажется, они не прочь взглянуть на Бойси. Мы устроим чаепитие на лужайке и принесем туда щенков. Нечего в такую погоду дома сидеть! – И она протянула мне Бойси, чудесную девочку с золотистым окрасом.

– Роберт, это Элис. – Боже, теперь мне придется вести вежливую беседу, подумала я, пожимая ему руку.

– Здравствуй, дорогая, твоя мама рассказала мне про операцию. Как ты себя чувствуешь? – спросил он, глядя на мои белые гипсовые сапожки. У меня только что удалили плусневые суставы в обеих стопах.

Я рассказала ему про ревматоидный артрит и недавнюю операцию. А дальше принялась рассказывать про мои занятия теннисом и почему-то не могла остановиться, все говорила и говорила...

– Тебе не приходило в голову изложить на бумаге все, что ты нам сейчас поведала? – был второй вопрос Роберта.

Тут вмешалась Мэри.

– Роберт прекрасно пишет «нервные записки». Когда он чем-то обеспокоен, я по всему дому нахожу маленькие бумажки, – засмеялась она. – Он говорит, что это его успокаивает и помогает ему основательно продумать терзающую его проблему.

– Думаю, тебе стоит попробовать. Я немножко разбираюсь в книжном деле, – проговорил Роберт. – Какое-то время я работал в этой сфере.

Неожиданно его совет мне понравился, сказать точнее, я просто пришла в восторг.

– Нужно ли мне записаться на творческие курсы, где учат писать? – спросила я.

– Можешь и записаться, но, на мой взгляд, лучше писать самой, так, чтобы тебя не сковывали правила. Пиши спонтанно, всем сердцем... Знаешь что? Напиши что-нибудь и пришли мне, – предложил Роберт, почувствовав мой интерес. – Я взгляну критическим взглядом. – Щенок был сразу забыт.

На чердаке отыскалась моя старенькая электронная пишущая машинка «Кэнон Старрайт», и я стряхнула пыль, набившуюся между клавишами. Вежливые сообщения, всплывающие на экране, и назойливое пиканье вызвали в памяти Бристольский университет и мое корпение над нескончаемыми эссе. У меня появилось желание поведать о том времени, и я лихорадочно застучала по клавиатуре. Во мне что-то оживило. Я показала написанное Роберту, он одобрил и велел продолжать. Мы стали регулярно встречаться. Так началась наша дружба – особенная, необычная.

Я писала о своей болезни, и поначалу это невероятным образом врачевало меня. Я воплощала в слова мои гнев, страх, боль, горе – и взамен получала свободу и облегчение. Я переносила на бумагу всю сумятицу своих мыслей, но только когда научилась сопоставлять события, ко мне пришло осознание собственных чувств.

Чем больше я писала, тем больше могла объективно смотреть на вещи и понимать, почему от меня отворачивались друзья, как работал мой разум и что помогало мне держаться, не падать духом. Теперь я будто со стороны наблюдала происходящее и бесстрастно его созерцала.

Когда у меня обнаружили ревматоидный артрит, этот диагноз показался мне страшным приговором, хуже которого ничего уже нет. Я пожалела, что играла в теннис – тогда бы мне не было что терять. Я хотела стереть теннис из памяти, сказать себе, что этих дней никогда в моей жизни не было. Но теперь я стала вспоминать соревнования, в сознании всплывали не только восторг и удовольствие, какие я испытывала на корте, но и моя бульдожья решимость. Я всегда стремилась выигрывать, второе место меня не устраивало. Ко мне пришло понимание, что мой теннисный опыт бесценен, ибо я научилась тогда направлять решимость, энергию и упорство, которые я обретала на корте, в битву с болезнью. Я не сдавалась – теннис выработал во мне боевой дух. Пожалуй, это стало моим спасением...

С новой энергией я стала перечитывать свои письма и записные книжки, отыскивая места, посвященные теннису, рылась в программах и фотографиях. На бумаге оживали характеры персонажей, я стала получать удовольствие, описывая соревнования, моих друзей-теннисистов, наши уловки и свою маму: та для успокоения, наблюдая мою игру, сбрасывала нервное напряжение штокпой носков. Я смеялась и плакала, вспоминая те дни. Когда я писала все это, у меня появилось желание встретиться с Биллом, моим тренером. В мою жизнь вернулась старая дружба, прерванная учебой в университете. Ожившие воспоминания стали залечивать мои раны.

Я начала складывать воедино две части моей жизни, и, вместо того чтобы погружаться в сон с тревожными мыслями, как я буду себя чувствовать на следующий день, я засыпала, мысленно планируя очередную главу. Я просыпалась среди ночи с новой идеей, которую необходимо было срочно записать. Моя книга открыла мне новую дверь в жизнь. Боль никуда не ушла, но теперь мне было о чем думать, помимо боли. Писательский труд начинал заменять мне теннис, заполнять зияющую дыру, которая, как мне казалось совсем недавно, никогда не будет заполнена. Я нашла занятие, и вскоре оно захватило меня целиком.

Я описывала свои печаль и отчаяние, что обрушились на меня, когда я внезапно потеряла способность держать в руке теннисную ракетку и почувствовала, что мало кто из людей понимает, сколь драматически способен изменить жизнь артрит. Речь тут идет не только о каких-то болях и ломоте, а о новом образе жизни. Но теперь я уже не боюсь слова «артрит» так, как это было со мной в Бристольском университете, когда я ужасно стыдилась своего состояния. Теперь все наоборот. Теперь я страстно хочу объяснить всем, что эта болезнь может быть хроническим изнурительным заболеванием, которое поражает молодых и старых. Конфликт между стремлением жить, как живет молодежь, и страданием из-за симптомов старения появился у меня в Бристоле и перевернул мою жизнь. Артрит в любой форме требует, чтобы им занимались.

Когда я писала про жуткую боль, про лекарства, которые, казалось, ничего мне не облегчали, кроме того что наносили вред, ко мне пришло понимание: надо оглянуться назад

и нащупать в тяжелом прошлом нечто, что может помочь преодолеть непреодолимое и иначе осветить настоящее. Теперь у меня был такой шанс. Надеюсь, эта книга поможет и другим людям, оказавшимся в ситуации, похожей на мою.

Один. Испытание: Часть I

Вы можете одеться самостоятельно, в том числе завязать шнурки и застегнуть пуговицы?

1998 год. Февраль. Мне двадцать четыре года, из них шесть лет я больна ревматоидным артритом.

Мне становилось все хуже и хуже; я таяла на глазах моих родителей. Я стояла в списке на операцию по замене лодыжки; моя правая рука тоже нуждалась в хирургическом вмешательстве. В спальне у меня был установлен беби-фон, чтобы мама слышала мой зов. Ей приходилось делать за меня все: натягивать на меня трусы, нарезать для меня еду, поднимать меня со стула и среди ночи помогать мне дойти до туалета. Короче говоря, я забыла, что такое быть независимой.

Я устала напрягать зрение, ожидая, когда же покажется свет в конце туннеля. Но вот у меня появилась крошечная искра надежды. Я услышала о новом лекарстве, показавшем обнадеживающие результаты в Америке. Его будут испытывать на морских свинках в городе Бат. Потом, вероятно, на добровольцах. Я молилась, чтобы меня взяли на эти клинические испытания.

И вот я с родителями сижу в приемном покое Королевского национального госпиталя ревматических заболеваний и в сотый раз перечитываю одну и ту же страницу журнала. Я гляжу на свою правую руку: раздраженная, покрасневшая кожа. Ногти, покрытые темно-красным лаком. Но ухоженные ногти не могут скрыть опухшие, искривленные пальцы – они не дают забыть о коварной болезни, с которой я борюсь ежедневно и ежечасно.

Папа сидел в кресле, сжимая в руке газету; с его лица не исчезало выражение скорби. Он сильно постарел.

– Позови нас, если понадобится, мы будем тут, – проговорил он сдавленным голосом. Сиделка вручила мне знакомый вопросник – «Что вы могли на прошлой неделе».

– Вы можете одеться самостоятельно, в том числе завязать шнурки и застегнуть пуговицы?

– Открыть бумажную упаковку молока или стирального порошка?

– Донести до рта полную чашку или стакан?

– Встать со стула, на котором нет подлокотников?

– Ходить в магазин и по другим своим делам?

И так далее...

– Зачем еще тебе открывать молоко, черт побери? – воскликнула мама, увидев, как я не могу выбрать ответ – «с большим трудом»? «не могу»?

– Я тоже сроду не умел открывать их, эти пакеты! – добавил папа.

– Дорогой, ты не умеешь открывать даже собачьи консервы.

– Хотелось бы мне ответить «без труда» на все эти дурацкие вопросы, – грустно проворчала я, все-таки остановившись на «не могу».

– Плюнь, – пробормотал папа. Это было одним из его любимых словечек, когда он не знал, что сказать.

Мама вернулась было к кроссворду в «Таймс», но вскоре отложила газету, сказав, что не может сосредоточиться, и протянула руку к вязанию. Это напомнило мне дни, когда я играла в теннис, и я улыбнулась. Да, тогда мы ездили по всей стране на турниры. Мама страшно нервничала, следя за моей игрой.

– Мам, а ты помнишь тот матч в Истборне? И миссис Бетти? И Питера? Интересно, где они все сейчас?

– А ты помнишь тот раз, когда тебя прогнали с турнира? – засмеялась она.

– Лучше не напоминай!

Превозмогая боль, я медленно встала со стула и потянулась. Скорее бы приехал мой лечащий врач, доктор Кэмпбелл. Он представит мой случай профессору, который руководит клиническими испытаниями нового препарата. Я жуть как волновалась.

– Сядь и успокойся, доктора всегда опаздывают. А ты помнишь свой первый матч? – Мама надеялась отвлечь меня; спицы позвякивали в ее руках. – Помню, как я отвезла тебя, а ты сказала: «Между прочим, я собираюсь их всех обставить!»

Я засмеялась.

– Тогда мы еще не понимали, во что ввязались. Но мне очень нравились соревнования! И были они как вчера...

Наконец появился доктор Кэмпбелл. У меня тревожно забилося сердце. Он взял меня за руку.

– Как дела? – ласково поинтересовался он.

– Нормально. Нервничаю, – улыбнулась я.

– Удачи! – в один голос пожелали мне мама с папой. Папа скрестил пальцы.

Мы с доктором Кэмпбеллом прошли в конференц-зал. Я вздохнула. Возможно, теперь для меня начнется новая жизнь. Или не начнется. Но я хотела получить еще один шанс...

Два. Семя вот-вот даст росток

1985 год. Семнадцатилетний Борис Беккер выиграл Уимблдон. Мне тогда было одиннадцать.

Начались долгожданные летние каникулы, и вся наша семья была дома. Элен, старше меня на пять лет, Том, старше на четыре года, и мама с папой играли на соседском корте в парный теннис. Мы называли соседей «счастливыми» – у них были теннисный корт и бассейн. Мой старший брат Эндрю остался дома и, дожидаясь результата выпускных экзаменов, нервничал.

Я подавала мячи, но в конце мне всегда разрешали поиграть тоже. Как это невыносимо – чего-то ждать; я в нетерпении стояла на краю корта, мне хотелось, чтобы у меня была своя ракетка, причем хорошая. Мне надоели эти деревянные «Слезенджеры» – все вокруг играли в основном ими.

Том капризничал, швырнул на землю ракетку. Мама с папой уже объяснили мне, что Том никогда не бывал на сто процентов нормальный – у него слабоумие. Он родился недоношенным и рос больным ребенком. Сначала чуть не умер, потом у него выпадали зубы, а еще с ним занимался логопед.

На Тома накатывали приступы дурного расположения духа. Я не понимала, как можно быть веселым, а через минуту злиться и плакать. Папа говорил, чтобы я держалась подальше от него и не дразнила, пока он не успокоится. Действительно, он всегда успокаивался, и жизнь продолжалась, будто ничего не случилось.

– Я не хочу играть, почему я должен играть? – кричал Том; его тщедушная фигурка металась по корту.

– Тогда я сыграю, – быстро нашлась я, устремляясь к нему.

– Нет, – зашипел он, и его голубые глаза сердито сверкнули. Я попятилась.

– Том, отдай ракетку Элис, не надо спорить, – устало попросил папа.

– Я буду играть, – заявил Том, прижимая к груди ракетку. – Я передумал.

Иногда я просто-таки ненавидела брата. Подлый он!

После тенниса мы с Элен поехали на велосипедах в город, в наше любимое кафе «Минстрелс», съели там по шоколадному пирожному и выпили лимонаду. Обратном мы возвращались по Кингсгейт-стрит, и я увидела в витрине спортивного магазина черную с золотом ракетку «Про Кеннекс». Стоила она 24 фунта. Я слезла с велосипеда, зашла в магазин и попросила седого продавца показать мне ракетку. Взяла ее, ощутила запах кожаной ручки, посмотрела на серебристые струны и золотой с черным обод и поняла: мне необходимо ее купить. Я прикинула, сколько придется копить; при моих карманных деньгах 1,5 фунта в неделю на это уйдет шестнадцать недель. Слишком долго ждать. Я должна быстро заработать деньги. Так я размышляла, держа в руках эту роскошную красавицу. Элен стало скучно, и она уехала домой без меня. А я придумала одну вещь.

У мамы был небольшой домашний бизнес – комиссионная лавка под названием «Куколкин домик», где продавались товары для детей до 12 лет. Она одевала почти всех детей Винчестера, и у нее было больше двух тысяч покупателей. Работы в лавке было всегда много: груды одежды надо было оценить, снабдить ярлыками, вывесить и зарегистрировать, указав имена владельцев. Я вернулась домой и спросила у мамы, сколько она будет мне платить в час, если я стану ей помогать. Мама удивилась моему неожиданному интересу, но сказала, что 50 пенсов.

Каждую среду и пятницу, два дня в неделю, в нашем доме кишел народ. Матери покупали ползунки и комбинезончики, дети играли в разные игрушки, а мама объясняла раздраженным посетителям, что, хотя платьице было куплено когда-то в «Хэрродсе», взять его она

не может, ибо оно все в собачьей шерсти и на нем не хватает трех пуговиц. Мне нравилось чинно сидеть за столом, писать цену на ярлыках и улыбаться посетителям, складывая принесенную ими одежду в мешки. Мама говорила, что я хорошая помощница, хотя часто повторяла, чтобы я не начинала подсчитывать дневную выручку при посетителях – это нехорошо. А еще я должна была ломти хлеба, намазанные клубничным джемом, класть на тарелку, иначе всюду валялись липкие крошки. Ребекка, соседская девочка и моя лучшая подруга, тоже помогала нам и зарабатывала деньги, но она быстро уставала – я не разрешала ей даже присесть: она вешала на место одежду, которая не подошла покупателям.

Каждые выходные я проезжала на велосипеде мимо спортивного магазина и сообщала седому продавцу, который за это время стал моим большим другом, что я скоро куплю ту ракетку, и просила, чтобы она была у него в наличии. Потом ехала домой и снова писала цены на этикетках почти новых комбинезонов. Еще немного, и ракетка станет моей.

Три. Эластичная лента

Октябрь 1985 года. Эндрю учится в Суррее, в тамошнем университете, Элен вернулась в свой пансионат в Мальборо, в «продвинутый» шестой класс, Том ходит в школу для детей с пониженными способностями к обучению. Я наконец-то купила ракетку «Про Кеннекс». Теперь мне нужны были красивый чехол для нее, хорошая обувь, фляжка для воды и фирменный прикид «Элесс», как у Крис Эверт¹, моей героини. Я хотела быть такой, как она.

Мама с папой позволили мне ходить на восьминедельный осенний курс «Теннис для новичков» при местном рекреационном центре. Занятия проходили каждую субботу по утрам, и, кроме меня, там были одни мальчишки. Мы выполняли разогревающие упражнения, в том числе бегали, подбрасывая мяч на ракетке и ободе. Некоторые мальчишки жульничали – у них были ракетки «Принц» с большой головой, и это сильно облегчало им упражнение.

– Неплохо, хоть ты и девчонка, – пожимая мне руку, мрачно пробурчал парень, с которым я только что отыграла. В финале я его обставила! Это был лучший из трех тай-брейков. Я выиграла маленькую плитку «Марса», которую сразу же запихнула в рот, и упаковку ярко-желтых мячей для тенниса «Слезенджер».

– Хорошо играла, Элис, – похвалил меня тренер, когда я убирала новую ракетку в чехол. – Так держать! У тебя есть будущее.

Я помчалась на велосипеде домой, чтобы сообщить маме с папой, что я выиграла.

– Мам, я уже готова играть с тобой. Точно! Тренер сказал, у меня есть будущее или что-то типа того, – с восторгом сообщила я, вбежав на кухню.

– Привет, дочка, – сказал папа, нарезаая сыр. – Сядь и поешь. – Папа часто пропускал мои слова мимо ушей.

– Папа, послушай! Мне надоел семейный парный теннис. Пожалуйста, можно я сыграю с мамой?

– Ладно, – согласилась она. – Я закажу корт на понедельник, на вечер.

– Настоящая игра? – с восторгом спросила я.

– Да, три сета.

Утром в понедельник мы с Ребеккой поехали на поезде в школу. Я училась с Ребеккой в Атерли, школе для девочек при англиканской церкви. Поезд, стуча колесами, спешил в Саутгемптон, а меня тянуло в другую сторону, мне хотелось вернуться домой. Первым уроком у нас была физика, самый ненавистный для меня предмет. Мы сидели в последнем ряду, болтали и делали друг другу браслетики дружбы. Во время урока мистер Уилсон, разозлившись, три раза швырял в нас кусочками мела – мы не слушали его объяснений. Мне не терпелось показать маме, как хорошо я стала играть после субботних занятий, и меня совершенно не интересовало, как насадить штепсель на провод.

И вот пришло время нашего с мамой поединка. Воображая себя участницей Уимблдона, я гордо вышла на корт – с новой сумкой для тенниса, разными аксессуарами и ракеткой. На мне был фирменный спортивный костюм «Даш» нежно-розового зефирного цвета, зеленые кроссовки «Данлоп» со светоотражающими элементами. Длинные каштановые волосы аккуратно заплетены в две косички. К спине спортивной куртки прицеплен держатель для мяча. Мама сказала, что я похожа на кролика.

¹ Кристина Мария «Крис» Эверт – американская теннисистка, на турнирах Большого шлема завоевала в совокупности 18 титулов. – *Здесь и далее прим. пер.*

После небольшой пробежки и разминки мама спросила:

– Ну как, ты готова?

– Да, готова тебя обыграть, – весело прочирикала я.

– С разгромным счетом или так? – рассмеялась мама.

Игра началась.

Я была довольно сильная, и, когда вкладывала в удар по мячу свой вес, весьма значительный, удар получался хороший. Однако мама все время выигрывала завершающий удар. Я отчаянно старалась произвести на нее впечатление, прыгала по корту, воображая из себя Крис Эверт. Мама выиграла первый сет, и мне было досадно, что я уступила игру моей почти пятидесятилетней матери.

На середине второго сета она сделала двойную ошибку.

– Вторая подача! – крикнула она, отходя к задней линии.

– Нет, сейчас моя очередь, у тебя уже было две подачи.

– Нет, только одна. – Тут она сделала две подачи навывлет и стала победительницей.

С досады я швырнула ракетку на землю – и услышала треск. Я в страхе опустила глаза. При виде сломанного обода мне стало нехорошо. Смогу ли я продолжать игру в надежде, что мама ничего не заметит, а дома попытаюсь склеить трещину? Но мама уже шла ко мне, а лицо ее было таким, словно она вот-вот взорвется. Она бросила взгляд на разбитую ракетку, схватила свои вещи и зашагала к машине, процедив сквозь зубы, что больше никогда не будет со мной играть.

Во мне клокотала злость, я пинала камни носком кроссовки. Меня огорчил проигрыш, но я знала, что была права. Присев на ржавую скамью, я посмотрела на ракетку, и слезы закапали на сломанный обод и струны. Мне было обидно: разбить свою лучшую подругу!

Мама купила мне новую ракетку точно такой же модели, но предупредила меня, чтобы я больше так не распускалась. Мне надо научиться контролировать свои эмоции.

В следующий раз я завязала на запястье эластичную ленту. При каждом неудачном ударе я сильно дергала за нее, когда понимала, что вот-вот потеряю хладнокровие. К концу игры запястье покраснело, распухло и болело, но зато ракетка была цела, и мне не пришлось тащиться домой пешком.

Мы с мамой начали регулярно ходить на корт. В детстве мама любила теннис и, вероятно, с радостью занималась бы с тренером и участвовала в турнирах, будь у нее такая возможность. Она видела, что я нашла себе занятие, которое мне очень нравится. Ей было приятно это, и она позволяла мне играть как можно больше. Постепенно наши поединки стали доставлять нам все больше удовольствия. Иногда я обыгрывала ее и видела, что она тоже ужасно не любит проигрывать. Как мы с ней были похожи! Я предложила ей надеть эластичную ленту.

1986 год. Мне двенадцать лет. Снова начались летние каникулы. Я поступила на интенсивный двухнедельный курс для молодых игроков. Его вел тот же тренер, у которого я занималась до этого в рекреационном центре. В последнюю субботу тренер раздал нам анкеты для участия юниоров в возрастных группах от двенадцати до четырнадцати лет в соревнованиях на первенство графства Хэмпшир.

– Когда у тебя день рождения, Элис? – спросил он. – Я считаю, что ты тоже должна выступить.

– Ой, еще не скоро, только в январе. Двадцать пятого.

– Как удачно! Тебе повезло!

– Почему?

– В анкете требуется указывать возраст на конец декабря предыдущего года, а тогда тебе было только одиннадцать, так? Хотя сейчас тебе и двенадцать. И девочки, родившиеся

в декабре, будут играть в другой возрастной группе, хотя они всего лишь на месяц старше тебя. Понимаешь, в чем фокус?

– Кажется, да, – ответила я. На круглых щеках тренера обозначились ямочки, и он пошел беседовать с другим игроком.

Я с жадным интересом пробежала глазами анкету, подскочила к тренеру и вклинилась в разговор.

– Но разве я могу участвовать в соревнованиях, если у меня пока нет никаких результатов? – спросила я, размахивая перед его носом листком. Казалось, мой вопрос его удивил.

– Все когда-то начинали, – ответил он. – Давай попробуй.

Я сунула анкету в спортивную сумку и поехала домой. Велосипед вез меня по серым, потрескавшимся мостовым, сама же я была на седьмом небе от счастья. Впереди меня ждали мои первые в жизни соревнования.

Четыре. Шансы и уловки

– Чтоб ты знала, я собираюсь победить всех на этих соревнованиях, – сообщила я маме, когда мы ехали на машине в Алверсток.

Шел август 1986 года. Мартина Навратилова в седьмой раз выиграла Уимблдон. Мне предстоял первый поединок на первенство графства среди юниоров до двенадцати лет. Я надела на ракетку новую ручку – ярко-синюю. Я должна выиграть. Я обязательно выиграю.

Мы с мамой приехали в Алверсток. Внезапно мне стало страшно. Я огляделась вокруг и уже не была так уверена, что сумею кого-нибудь обыграть.

– Не падай духом, я могу выиграть, и я выиграю, – бормотала я себе под нос. – Надо настроиться. Если я хочу выиграть, но сомневаюсь, то это плохо. Думай о победе.

Мальчики и девочки, участники соревнования, тренировались на кортах; их родители нервозно беседовали между собой в здании клуба. На судейском столе валялись листки с протоколами и расписанием игр. Я увидела крупную, могучую особу – вероятно, организатора соревнований. Она стояла возле стола в ярко-зеленом свитере, жевала пончик и открывала упаковку с новенькими мячами. Результаты жеребьевки были приколоты к доске.

В толпе выделялась одна девочка – высокая, с темными волосами, туго завязанными на затылке в конский хвост. На голове у девочки была розовая повязка, больше похожая на тряпку, какой вытирают пыль в доме. Ее спортивный костюм был такой же ярко-розовый, а на укороченных носочках болтались розовые шарики. На плече девочка держала серебристый с красным чехол фирмы «Хэд», а на шее у нее я разглядела серебряное кольцо с шармиком в виде теннисной ракетки. Она держалась как профессиональная спортсменка, и на вид ей было лет шестнадцать, уж никак не двенадцать. Мне захотелось, чтобы мой костюм и потертые кроссовки вдруг по мановению волшебной палочки превратились во что-нибудь более классное. А то я по сравнению с ней не тянула на серьезного игрока.

– Давай-ка посмотрим, кто тебе достался по жребью, – с волнением проговорила мама и стала проталкиваться к доске. На ее локте болталась сумочка, ударяя по окружающим. – Как восхитительно. Ты рада, Элис?

– Мам! Говори потише! Опять ты кричишь... – проворчала я.

– Что? Ой, гляди, ты будешь играть с номером два посев², – пронзительно провозгласила мама.

Итак, я играю с какой-то Имоджен Глоув. Не любила я это имя – Имоджен. Мне сразу вспоминалась знакомая девочка с таким именем. Когда-то она привязала меня к стулу и заставила есть пирожок, слепленный из песка и грязи.

– Ой, дочка, как тебе не повезло с жеребьевкой, – разочарованно протянула мама.

– Я еще не проиграла ей, – возмутилась я. – Могу и победить... Хотя она и номер два посев, это еще ничего не значит.

– Нет-нет, конечно, ты права, – немедленно спохватилась мама.

Я подошла к организаторше соревнований – та принялась за второй пончик. На ее массивном подбородке висела большая клякса джема, а к усикам прилипли сладкие крошки. Она приветливо улыбнулась и сказала, как приятно ей видеть новое лицо.

– Знаешь, милая, ты играешь в числе первых, и через несколько минут я объявлю тебя. – Она все еще открывала своими пухлыми пальцами, похожими на свиные сардельки, упаковку мячей.

² Посев – принцип размещения топовых игроков при жеребьевке, чтобы они не встретились в начале соревнований.

У меня затряслись поджилки. Вдруг я сразу проиграю? Вдруг не получу ни одного очка? Карты открытые, на меня будут смотреть зрители, много зрителей. Что, если мне среди игры понадобится в туалет? Лучше я схожу сейчас, решила я, увидев неподалеку дверь с женским силуэтом. Моя фамилия прозвучала по громкоговорителю, когда я сидела в туалете. Мне стало страшно. Я засуетилась, помыла руки, дрожащими пальцами наполнила фляжку водой и поспешила к судейскому столу.

К моему ужасу, к тому же столу шла через зал та самая розовая девочка. Ее лицо выражало железную уверенность.

– Имоджен, Элис, восьмой корт, прямо в конце. Играете три сета, и запомните – в тренировочных костюмах можно только разминаться, – с сияющей улыбкой предупредила организаторша. Теперь она ела печенье.

Наша пятиминутная разминка закончилась. Я взглянула на свою ослепительную соперницу. Имоджен уже проверила струны на каждой из своих четырех ракеток и теперь надевала розовую с белым юбочку. Я почувствовала себя стареньким «Фордом Фиеста» с продавленными креслами, а Имоджен была как шикарный «Ягуар».

– Какой у тебя рейтинг? – спросила она, вздернув нос. – Что-то я никогда тебя не видела.

– У меня нет никакого, – неловко пробормотала я.

– Я играю на международном уровне, у меня тренер из Швеции, – с гордостью сообщила она. Я посмотрела на край корта и увидела ее белокурого тренера, он улыбался нам. Я выиграла жребий и выбрала прием подачи. Она сунула мяч в свои теннисные панталоны, украшенные рюшем, и пошла к задней линии. Кто те люди, что сидят возле нашего корта? Там стояли в ряд пять стульев. Черноволосая леди, вероятно, мать Имоджен, удобно восседала в шезлонге. Рядом на складных стульях, похоже, сидели и дед с бабкой. А еще маленький мальчишка. Да она притащила сюда всю семью!

Имоджен выиграла первые три игры. Она сделала это легко, тогда как я носилась по корту, подхватывала мячи, а от моей бедной ракетки то и дело отваливались лохмотья краски.

Счет в первом сете был 6:1 в пользу Имоджен. Здешние корты были такие же, как школьные, но только это не имело значения – я проиграла бы в любом случае. Но я была уверена, что Имоджен послала последний мяч, ее сетбол³, через сетку, а не над ней. Ее родственники поторопились заплотировать, так что я не успела даже задать ей вопрос. Мама удалилась в клуб.

Во втором сете я выиграла первую игру. Хуже всего для меня было бы проиграть 6:1, 6:1. Но я выиграла и второй гейм, и третий. Что-то в моей игре сдвинулось к лучшему.

Мать Имоджен ходила взад-вперед за сеткой, давала дочери тренерские указания. Мой брейк-пойнт, я вела счет 4:1. Мяч переходил ко мне.

– Аут! Аут! – закричала я.

Тут раздался пронзительный визг. Я оглянулась. Мать Имоджен прилипла к сетке и выла, словно бешеный зверь в зоопарке. Что это с ней?

– Он был на поле, на поле. Ты должна переиграть. У тебя еще две подачи! Он упал внутри линии, – кричала она.

Подойдя ближе, я увидела ее кривые зубы и седые волосы.

Имоджен подошла к сетке.

– Мяч точно был в ауте, – воскликнула я, – он упал вон туда! – Я показала на то место, где ударился мяч, в футах от задней линии.

³ Счет, при котором игрок может выиграть одним ударом весь сет.

– Нет, не может быть, – протестовала Имоджен следом за матерью. Ее родственники дружно кивали, подтверждая ее слова. Ну прямо судейское жюри какое-то! Я поискала глазами маму. Где же она?

– Давайте переиграем, – неуверенно согласилась я, защищаясь от жестких глаз. Я посмотрела на далекое здание клуба. Вокруг бродили люди. Мне надо пожаловаться. На соседнем корте заплакала девочка и подбежала к рефери. Он разбирался с ней, так что мне ничего не оставалось, как продолжить игру. Потом я трижды ошиблась на второй подаче. У меня дрожал подбородок – я знала, что вот-вот заплачу.

Мать Имоджен оспаривала все мои претензии насчет задней линии. Я не знала, что делать. Почему никто вокруг не видит, что происходит?

Я проиграла. Моя соперница улыбалась и пожимала мне руку так, словно ничего не произошло. Ее мать тоже мне улыбалась.

Ее семейка уже складывала стулья. Если все соревнования по теннису такие, то мне еще многому надо учиться. Я побрела искать маму.

– Ах, не повезло нам, дочка, – посочувствовала мне мама еще до того, как я сообщила ей о своем проигрыше. Она сидела в клубе и пила крепкий кофе. – Я смотрела только первый сет, потом не выдержала и ушла, чтобы не нервничать. Какой у вас окончательный счет?

– Мам, в следующий раз ты должна смотреть до конца. Эта Имоджен жульничала, а ее мать настоящая ведьма.

Мама утешала меня, раскаивалась, говорила, как ей жалко, что она ушла и не видела мою игру, но такого больше не повторится.

– Впрочем, не нужно огорчаться, милая, ты еще можешь участвовать в соревнованиях «Плейт», – сказала она с улыбкой.

– В соревнованиях «Плейт»? – с надеждой переспросила я.

– Они устраиваются для проигравших. – Вот утешила так утешила! Я проигравшая, лузер. Я не отстояла свою правоту. Я позволила Имоджен и ее матери растоптать меня.

На следующее утро мы с мамой опять поехали в Алверсток. Теперь я была настроена гораздо более позитивно – я должна была выиграть хотя бы один матч. Нет, я не хотела по возвращении домой сообщить Элен, Эндрю, папе и Тому – особенно Тому, – что вылетела и из соревнований для лузеров. Вчера, когда я сказала Тому о своей неудаче, он принялся плясать по кухне и распевать: «Ты растяпа, ты растяпа».

Мой матч должен был начаться в одиннадцать. Уже была половина первого. Дождь лил и лил. Хоть бы он когда-нибудь перестал. Мы с мамой играли в крестики и нолики. В следующий раз я решила захватить с собой карты, тогда мы сыграем в дурака, этой игре меня научила Элен.

Неподалеку беспокойно расхаживал мальчишка, похожий на мышонка; ждал своей очереди. Организаторша соревнований назвала мою соперницу.

– Если это та, про которую я думаю, – начала мама, глядя на мальчишку, тот направлялся к организаторше, – думаю, у тебя очень хорошие шансы, дорогая. Вчера я видела ее игру. Не очень.

– Мам! – Я ткнула ее локтем в бок. – Ты будешь когда-нибудь говорить тише? И вообще, это мальчик!

Мальчишка стоял рядом со мной. Он был в белых шортах, его короткие волосы торчали ежиком. Моя соперница так еще и не приехала. Организаторша вручила мне мячи.

– Вы двое. Пятый корт, и постарайтесь поскорее все закончить, мы и так отстали от расписания.

– Я буду играть с ним? – удивленно спросила я.

– С ней, – поправила меня организаторша, стараясь не рассмеяться. Я снова взглянула на мальчишку и почувствовала, что краснею. Я быстро вышла из клуба; мальчик шел за мной. На этот раз мама была готова смотреть на нашу игру. Наблюдали за игрой также мать моего соперника и ее черный лабрадор, на лапе которого была шина.

Первый сет я выиграла легко. Маленькая, пухлая леди с огненно-рыжими волосами с энтузиазмом аплодировала, зажав под мышкой блокнот. Потом она представилась маме.

– Кто это? – с волнением спросила я у моей соперницы. Во втором сете я выигрывала со счетом 4:1.

– Она организатор соревнований по теннису в нашем графстве. Ее все знают, – с удивлением отвечала она.

Организатор соревнований в графстве! Мне надо выкладываться до конца.

– Ты играешь за графство? – спросила я, не в силах сдержать восторг.

– Да.

– Мам, он играет за графство!

– Она, Элис, – поправила меня мама и извинилась перед матерью девочки.

Я могла обыграть девочку, играющую за графство! И кто знает, к чему это приведет? Я представила себе: вот я пожимаю руку моей противнице, а ко мне тут же подбегает эта женщина, спрашивает, кто я такая, и говорит, что я непременно должна быть в ее команде, она снимает шляпу перед моим талантом и жалеет, почему не видела меня раньше... Я мотнула головой. Я должна произвести на нее впечатление!.. Ах, не может быть! Она уже ушла с нашего корта, чтобы понаблюдать за другой игрой... Элис, сосредоточься! Ты еще не выиграла. Но меня неудержимо переполняли мечты: как приятно мне будет сделать последний удар и выиграть мой первый матч...

Я выиграла! Я прыгала до небес, мне хотелось швырнуть ракетку в толпу вместе с моими потными напульсниками. Правда, смотрели нашу игру только пять человек. Ну и ладно, я все равно была счастлива – теперь я могла поехать домой и сообщить Тому, что выиграла!

– Молодец! – Мама сияла от радости. – Нам стоило приезжать сюда. Ты победила игрока, выступающего за графство! Умница!

– Что тебе сказала та женщина?

– Она организатор...

– Да знаю, знаю. Что она сказала тебе? Про меня она что-нибудь говорила?

– Она спросила, кто ты, и все. Очень забавная особа... – Мама заметила мое разочарование. – Ну а что ты хотела, чтобы она сказала?

А мне просто хотелось знать, достаточно ли я хороша, чтобы играть за графство, вот и все.

Я добралась до финала «Плейт», победив трех игроков, выступающих за графство. О таком успехе я и не мечтала.

Игра в финальный день соревнований – это всегда необычайное волнение, совершенно несравнимое с состоянием игрока на турнире в другие дни. Там уже профессиональные арбитры, как в Уимблдоне, и много зрителей, много родителей и участников. Вынесенный на улицу стол ломился от кубков и медалей; скоро на них выгравировуют имена победителей. Мои жадные глаза пытались разглядеть, что из этого получу я. Иможден Глоув прошла мимо меня, глядя на серебряный кубок с загнутыми ручками, который она выигрывала два года подряд. Она вышла в финал. Мне очень хотелось, чтобы она проиграла.

Я играла в финале против Анны, выступавшей за графство уже целых три года. За эту неделю я познакомилась с ней и ее родителями. Они смотрели один из моих первых матчей и тепло поздравили меня. Они немного рассказали мне о мире тенниса, о теннисистах и

нужных соревнованиях, в которых мне надо участвовать, если я хочу серьезно заниматься теннисом. У матери Анны были длинные, до пояса, как у хиппи, прямые волосы. Ее отец был иностранцем, низкорослый, с обвислыми усами. Ему страстно хотелось, чтобы его дочь выиграла. Я видела это по его глазам – вся его жизнь, все радости были связаны с теннисом. Анна была моложе меня на год и довольно робкая. Отец вел за нее все переговоры. Хотя она все же спросила меня, люблю ли я музыку – ей нравились песни группы «А-ха».

Нас вызвали. Меня переполнял восторг.

Анна была крупной и сильной девочкой с длинной толстой косой и крепкими бедрами. Ее удар по мячу был столь силен, что мяч со свистом пролетал мимо меня, и я не успевала даже глазом моргнуть. Мама разговаривала с ее родителями. Они смеялись, наслаждаясь обществом друг друга.

Я проигрывала; я была не в той лиге, как эта девочка. Она выиграла первый сет. Я не верила сама себе, когда во втором сете выиграла у Анны тай-брейк. Она ужасно встревожилась. Родители тоже прекратили все разговоры. Организатор от графства тоже наблюдала за нашей игрой. Мне нравилось, когда на меня смотрели зрители; это меня подзадоривало. Счет был 6:1, одно ее очко решало исход матча, и тут в моей ракетке лопнула струна. А ракетка была у меня только одна. Анна предложила мне одну из своих. Эта была потяжелее. Счет стал 6:5 в пользу Анны. Она могла уже забрать ракетку.

Выиграла Анна со счетом 7:5. Ее родители поздравляли меня, говорили, что я тоже могла выиграть, что мы обе заслужили победу. Конечно, им было легко говорить мне приятные слова, верно? Как бы они смотрели на меня, если бы выиграла я?

Организатор от графства подошла к нам и обняла нас веснушчатými руками.

– Хорошо играли, хорошо, вы обе. Элис, я организатор соревнований в графстве, я руковожу командой девочек.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, занервничав.

– Анна играет очень хорошо. Она давно в моей команде, так что тебе не надо слишком огорчаться. – И она обратилась к Анне, потискав ее, словно любимую кошку: – Что, заставила она тебя поволноваться? – и снова повернулась ко мне. – Элис, ты брала уроки тенниса?

– Нет, никогда, – солгала я.

Мама смерила меня удивленным взглядом.

– Элис, ты ведь немного занималась.

– Мама! Мне хотелось, чтобы все подумали, что у меня природный талант.

– Что ж, если хотите, – обратилась организатор к маме, – я могу познакомить вас с Биллом Эверсом; это наш главный тренер. Мне хочется посмотреть, что он сможет сделать. Он живет в Винчестере.

– Правда? Это было бы замечательно, – сказала я с радостной улыбкой.

Она спросила, откуда я. В этот момент прозвучало объявление, что скоро начнется презентация, и наш разговор оборвался. Я получила маленькую круглую медаль и ручку, а сама с завистью поглядывала на серебряный кубок, доставшийся Анне. Зрители аплодировали, а организаторша соревнований взяла меня за руки своими огромными, теплыми лапами и сказала, чтобы я обязательно выступила на этих соревнованиях в будущем году. Мне казалось, будто я очутилась на какой-то другой планете и, возможно, уйдет какое-то время, прежде чем я снова вернусь в свой реальный мир.

– Я очень хочу брать уроки! Семь уроков в неделю!

Я сидела в машине, и мы ехали домой.

– Подожди, Элис. Если ты хочешь серьезно заняться теннисом, я должна поговорить об этом с папой. Уроки дорогие, а деньги нам с неба не падают.

– Но мы все-таки можем себе это позволить, правда?

– Нам надо платить за школу, – принялась объяснять мама, – и это тоже нелегко. Впрочем, ладно, время еще есть, и нам надо все хорошенько обдумать. Кстати, ты должна позвонить бабушке, ей наверняка до смерти хочется узнать, как ты сегодня выступила. – Бабушка – это мамина мама.

Войдя в дом, я услышала ритмы «Ватерлоо», доносившиеся сверху, из спальни Эндрю. Он все еще любил АВВА. У Тома, с которым регулярно что-то случалось, была кровавая царапина на лбу, волосы были взъерошены.

– Беру в аренду! Парк-лейн с двумя отелями! Ты выиграла? – спросила Элен, подняв голову от «Монополии». – Том, ты мой должник.

– Сдаюсь, – пробормотал Том. – Я всегда оказываюсь банкротом. Гляди, Элис, – с гордостью сообщил он, – я отколол кусочек зуба, когда прыгал через тумбу возле катка.

Я заглянула в его отвратительный рот.

– Когда ты в последний раз чистил зубы?

– Заткнись. Ты выиграла?

– Нет, проиграла, но выиграла вот что. – Я помахала перед ними подаренной ручкой.

Элен вскочила, взяла меня за руку и попросила помочь ей готовить ужин и попутно рассказать, как прошел день.

– Сегодня вечером покажут «Челюсти», – сообщила она.

Моя любимая сестра Элен была намного выше меня. Еще в двенадцать лет ее рост был шесть футов. Теперь ей семнадцать, и мне хотелось выглядеть, как она, когда я стану старше, – у нее большие, круглые голубые глаза, высокие скулы и длинные, густые, темные волосы, которые она заправляет за маленькие ушки. Мне всегда нравилось, когда мне говорили, что я маленькая версия Элен.

– Только чур, если мы будем смотреть, я буду ночевать у тебя.

– Возможно, – согласилась она, – но только ты полночи не дашь мне уснуть, опять начнешь во сне разговаривать... В тот раз ты говорила что-то про мармелад... Так ты хорошо сыграла? Ты будешь участвовать в других соревнованиях?

– Элен! – воскликнула я, как будто это был самый смешной вопрос, какой она могла мне задать. – Ты видишь перед собой... – Одним прыжком я оказалась перед ней. – Ты видишь перед собой будущую чемпионку Уимблдона!

Пять. Билл

Прошло две недели. Я примчалась из школы домой, сбросила с себя зеленую с золотом школьную форму и быстро переделалась в одежду для тенниса.

Подъехав с мамой к Винчестерскому клубу тенниса и сквоша, возле кортов мы увидели красный спортивный автомобиль. Спортивный организатор от графства и Билл Эверс были на пятом корте. Я подошла к ним. Для меня это был шанс попасть в команду графства, и внутри у меня все трепетало.

– Давай, давай, шевелись! – безжалостно подстегнул Билл свою ученицу. – Дотягивай! Ведь вполне могла развернуться с нормальным ударом! Еще раз!

Я улыбнулась ему, но он, кажется, меня не заметил.

Организаторша пояснила:

– Он заканчивает урок с этой девочкой, а потом поговорит с тобой. Билл! – позвала она, выразительно тыча пальцем в часы на руке. – Тебе надо успеть разобраться с Элис, а то скоро стемнеет. Поди-ка сюда!

– Минуту!.. – Наконец Билл подошел к нам. Высокий, с длинноватыми волосами, в ярко-голубом тренировочном костюме от Серджио Таччини.

– Вот юная леди, про которую я тебе говорила. Она проиграла финал «Плейт». Это было первое ее соревнование, – сообщила ему организаторша. – Ей двенадцать.

Билл равнодушно выслушал комментарий. Почему он даже толком не взглянул на меня? Он вяло пожал мне руку – на его пальце сверкнуло кольцо-печатка, а на запястье массивная серебряная цепочка. Вид у него был величественный и недоступный. У меня ушла душа в пятки.

– Что ж, давай поглядим на тебя, – угрюмо пригласил он. – Быстро, на заднюю линию.

Я рванула на другую сторону корта. Мы стали обмениваться ударами. Он посмотрел на мою подачу. На глаза мне упала прядь волос, я откинула ее.

– Тебе надо сделать стрижку или носить повязку, – заметил он, почесал в затылке и вздохнул. Буквально позавчера Элен грозила отстричь мои длинные косы кухонными ножницами, но я хотела отрастить волосы ниже талии. Моя прапрабабушка писала в паспорте в графе «отличительные признаки»: *«длинные волосы ниже колена»*, и этот образ не давал мне покоя, я хотела на нее походить. Я снова подбросила мяч, чтобы послать его через сетку.

– Да... работы тут предстоит... – снова вздохнул Билл.

Я не нравлюсь ему! Я ему не нравлюсь! Господи! Почему ты не слышишь мои молитвы? К концу сессии я лишилась последних сил. Мои щеки пылали как помидоры.

– Ты толстовата, – подвел он итог, как огласил приговор. Такого я не ожидала. Взрослые не должны говорить все, что думают! – Сколько ты вешишь? Надо худеть.

В школе меня дразнили, что я жирная; папа до сих пор звал меня Толстик. Я слегка переживала из-за этого и казалась себе белой вороной в нашей семье. Элен высокая и худая; Эндрю считал, что порция мороженого равна по калорийности целому обеду и был невыносимо тощ – я дразнила его «костяная нога», а Том втягивал щеки и дразнил Эндрю «скелетом».

– Тебе не повредит общая физическая подготовка, – грохотал Билл.

– Да, да, но мы можем над этим работать, ведь так? – крикнула теннисная организаторша. – Ну, что ты скажешь?

Билл, как цирковой жонглер, стал подбирать ракеткой мячи и отправлять их в ведерки. Я бросилась помогать, готовая на все, лишь бы ему угодить.

– Ты хочешь еще несколько уроков? – неожиданно спросил он.

– Да, очень! Если у вас есть время... – смиренно пролепетала я, словно разговаривала с королем, восседавшим на троне.

– Прекрасно. Сейчас я уточню свой график, и мы что-нибудь придумаем. – Он записал меня на одно занятие после школы. – Поглядим, как пойдут дела, – бросил он, уходя с корта. Организаторша улыбнулась.

Я все-таки побаивалась Билла, когда пришла к нему на пятое занятие. На четырех предыдущих мы тщательно прорабатывали мои удары с отскока, фитнес и работу ног. Я сказала Биллу, что мне больше всех нравится Крис Эверт, и мы стали тренировать ее коронный удар слева двумя руками. Но я не была уверена, захочет ли Билл стать моим тренером. У него так много учеников, нужно ли ему брать еще и меня. Ведь он уже сказал мне, что я должна сделать очень много, чтобы улучшить технику. Я это понимала и очень хотела показать ему, что он не зря потратит на меня свое время.

Билл посылал мне мяч за мячом. Он сказал «последний удар» еще ударов за двадцать до этого, но все же очередной желтый данлоповский мяч снова и снова летел над сеткой с быстротой молнии.

– Хватит! – закричала я. – Это мучение; у меня живот болит, – взмолилась я, сама удивляясь своей неожиданной смелости.

Он перепрыгнул через сетку и решительной походкой подошел ко мне.

– Живот болит, Элис? – спросил он. – А если ты будешь играть в Уимблдоне на центральном корте против Мартины Навратиловой, ты тоже остановишь игру и скажешь, что у тебя закололо в боку?

– Нет, – ответила я, покраснев от стыда.

– Конечно, не скажешь. Так что давай, Элис Петерсон Сукова! Ты можешь делать все гораздо лучше. Тебе надо быть тренированной, стремительной, вострой. Тренированной, стремительной, вострой, – повторил он. Потом снова побежал на другую половину корта, а я пыталась спешно заколоть свои длинные волосы, прежде чем он пошлет в мою сторону мяч. Билл снова взглянул на меня. – Ты хочешь научиться хорошо играть и стать одной из лучших?

– Да.

– Чтоб стать хорошей теннисисткой, тебе нужно сделать еще одну вещь. Пожалуйста, сделай себе короткую стрижку.

«Это жертва, на которую я иду. Думай о Билле, о теннисе», – мысленно внушала я себе, прогоняя тоску. Я сидела на кухонном табурете. Мама отрезала мне косы специальными парикмахерскими ножницами. Она тщательно завернула волосы в ткань и убрала их в ящик комода в гостиной. Моей голове стало незнакомо легко.

Закончился сентябрь. Лендл победил в Открытом чемпионате США. Октябрь начался для меня с триумфа – Билл взял меня в сборную графства, в группу D. Группа F – нижняя, A – топовая. Мы с Томом изучили фамилии и адреса двенадцати игроков из моей группы.

– У вас есть девочка по имени Розалинда, она живет в Манкис Боттом на Филти-лейн⁴, – загоготал Том. – Хотелось бы посмотреть на нее.

– Что ты сочиняешь! – набросилась я на него, выхватывая листок. – Боже, ты прав! – Я улыбнулась брату.

Тренировки сборной графства проходили в Кэлшоте два раза в месяц по воскресеньям. Кэлшот стоял на берегу пролива Солент, отделявшего его от острова Уайт. Летом там собирались многочисленные любители парусного спорта. Осенью в Кэлшоте было холодно, сыро

⁴ Обезьянкин зад, Грязный переулоч.

и ветрено. На берегу стояли пляжные домики жалкого вида и, казалось, ждали, когда их унесет неизвестно куда ветер ураганной силы.

Моя тренировка продолжалась два часа. В Кэлшоте было четыре крытых корта и два задних, отделенных от сухого горнолыжного склона хлипкой шторкой. В клубе было не теплее. У меня изо рта вырывался пар, руки делались багровыми. Мама сказала, что в следующий раз она наденет свой теплый коричнево-красный комбинезон, теплые ботинки, шарф и меховые наушники.

– Хватайте партнершу и покидайте мячи! – бодро призвал Билл. Все разбились на пары. Я заметила высокую девочку со светлым конским хвостиком и попросила ее сыграть со мной. К счастью, она согласилась. Мы заняли один из задних кортов. Пока мы обменивались ударами, какой-то лыжник сорвался со склона, влетел к нам сквозь просвет в шторке и упал почти рядом со мной на заднюю линию. Кажется, обошлось без травмы.

– Последняя – двадцать отжиманий! – скомандовал Билл с другой стороны корта и побежал, а мы должны были дотронуться до него ракетками. Мы помчались что было сил следом, протягивая к нему наши «Слезенджеры» и «Уилсоны». Розалинда с силой огрела его по голове.

Пока Билл приходил в себя и прикладывал к голове лед, организаторша произнесла перед нами зажигательную речь.

– Ближе, девочки, подойдите ко мне ближе! Итак, девочки, шестеро из вас будут отобраны на турнир с Эйвоном, турнир в следующем месяце. Нам предстоит много работы. Те, кто будет отобран, – она подалась вперед и округлила глаза, – помните, что вы играете за Хэмпшир, за команду, за меня.

– И за самих себя, – добавил Билл, подмигивая мне. Билл определенно стал меня замечать.

Еще одно воскресенье в Кэлшоте. Мама, облачившись, как и обещала, в комбинезон, привезла меня туда. Мне нравились эти тренировки сборной графства, но мне не хотелось быть в группе D – не хотелось быть игроком номер шесть в возрастной группе до четырнадцати лет. Я хотела попасть в группу A и стать игроком номер один. Они занимались по три часа. Я хотела тренироваться с лучшими игроками – мне казалось, что у меня так мало времени на совершенствование игры.

Мне не терпелось увидеть Билла и поговорить с ним о результатах матча с Эйвоном, который состоялся за неделю до этого. В тот день мы были в тренировочных костюмах нашей сборной, серебристо-красных, с логотипом нашего спонсора «Юнигейт» на куртках. Я стояла последней в списке, под номером шесть. Мне предстояли две одиночные игры с номерами пять и шесть из команды Эйвона, затем парная игра с Эммой, девочкой со светлым конским хвостиком. Я проиграла один матч, но победила номер шесть. Билл все время наблюдал за мной. Он сказал, что, возможно, выберет меня на следующий матч против Сассекса. Я начинала думать, что нравлюсь ему, действительно нравлюсь.

От Билла я узнала много интересного о мире тенниса. Помимо соревнований в пределах графства, он рассказал мне про соревнования, в которых имеет смысл участвовать в течение года, чтобы улучшать свои результаты.

Мы составили список:

- 1) Открытый чемпионат Уинчестера – международные участники;
- 2) Сербитон;
- 3) Пит-Фарм;
- 4) Солихалл;

5) Алверсток;

6) Национальные чемпионаты в Эдинбурге и Истборне – хотя маловероятно, что я попаду на них в ближайшем году.

Передо мной открывался новый мир.

Шесть. Региональная проба

Январь 1987 года. На Открытом чемпионате Австралии Навратилова уступила первенство Хане Мандликовой. Я решила составить список тех соревнований, в которых хотела бы участвовать.

Шаг 1: Графство – Хэмпшир и остров Уайт – Номер один.

Шаг 2: Региональное первенство, Южный регион – Хэмпшир, Беркшир, Букингемшир и Оксфордшир – Номер один.

Шаг 3: Национальный стандарт – попасть в число лучших игроков в стране. Национальные турниры – Эдинбург, Истборн, Борнмут, Уимблдон. Требуются результаты, чтобы попасть на эти турниры. Надо победить других лучших теннисистов.

Шаг 4: Международные соревнования.

Шаг 5: Уимблдон, Большой шлем! Стать ракеткой номер один в МИРЕ.

Пока еще я никому не показывала этот список, чтобы не смешить людей. Но я уже стартовала. Я избавилась от лишнего веса. Изменила режим питания – вместо белого хлеба перешла на ржаной; шоколад и чипсы заменила на йогурт и фрукты, каждый вечер отжималась, делала приседания и упражнения со скакалкой. Все это в спальне. Папа говорил, что я вот-вот проломлю пол и провалюсь на первый этаж – такой стоял грохот. Еще я каждый день бегала. Вечерами было темно, поэтому мама ехала на машине, а я бежала рядом – мама измеряла скорость, и я записывала рекорды в свой дневник фитнеса. Еще мы с Ребеккой, моей лучшей подругой, плавали после школы, хотя я не помню, долго ли. Просто так плавать туда-сюда, туда-сюда нам вскоре наскучило.

В Кэлшоте я тренировалась в группе С, а по результатам состязаний на первенство графства меня включили в команду, которая отправится в феврале на первенство Южного региона, как я и мечтала! Сплошной восторг!

После Рождества мы с мамой говорили с Биллом о моих перспективах в теннисе. Билл сказал, что у него «большие планы на эту девочку». Но тут встал вопрос о деньгах. Потирая двумя пальцами подбородок, он сказал, что знает, как это дорого, а если я выйду на уровень Южного региона, будет еще дороже. Я затаила дыхание. Только бы мы смогли позволить себе это!

– Я готов заниматься с Элис два раза в неделю, чтобы подготовить ее к региональным соревнованиям. Но вопрос не только в занятиях. Это также ракетки, их перетяжка, обувь, бензин для переездов, вступительные взносы, отели и завтраки и так далее. Тяжело, – признал Билл.

– А еще и время, Элис. Не только твое, но и наше, – серьезно сказал папа, пригладив седую шевелюру.

Билл посмотрел на маму.

– Я могу лишь добавить, что у этой девочки огромный талант. Если дать ей шанс, она может добраться до самого верха.

Я люблю его! С трудом удержавшись от желания броситься Биллу на шею, я поглядела на родителей. У меня кружилась голова, полная мечтаний о будущем. Папа хмурился. Он мыслитель, он сначала переваривал информацию, и только потом можно было увидеть его реакцию. Его сомнения вызывали у меня досаду, но зато в глазах мамы я увидела блеск азарта. Она верила в меня, у нее были связанные со мной амбиции. Она и нарушила молчание.

– Я могу вложить в это деньги от моего бизнеса. Я хочу использовать этот шанс. Пускай Элис занимается.

Папа кивнул.

– Что ж, раз ты так хочешь, Элис, мы поддержим тебя, – проговорил он и улыбнулся, сверкнув золотым зубом.

Билл поблагодарил моих папу и маму.

– Вы не пожалеете о таком решении. У нее впереди большая карьера. Увидимся на корте завтра, детка, в пять часов. И пока пусть у тебя не кружится голова от грандиозных планов. Нам с тобой еще работать и работать. – Коснувшись ладонью моего плеча, он ушел.

Наступил день соревнования. Питер Хамильтон, тренер Южного региона, разделил нас на группы и дал задания – бить по мячу всевозможными способами. У Питера были темные курчавые волосы и подстриженные усы. Меня удивило, как такой маленький человечек мог казаться таким строгим.

– Эй, ты, в топе от «Рибок», как твое имя? – спросил он, ткнув в меня пальцем.

– Элис.

– Так, ты будешь с Конни. Выполняете упражнение удар справа по линии. Начали.

Питер ходил от корта к корту с блокнотом. Ему надо бы носить армейскую форму. Я только что сделала победный удар, но он не смотрел. Конни ответила таким же ударом. Мяч просвистел мимо меня. Я оглянулась. Питер стоял прямо у меня за спиной.

– Эй, проснись! – сердито прикрикнул он, хотя мне почудилась улыбка в его глазах. – Вот мяч. Ну-ка, поглядим, как ты умеешь бить. И завяжи шнурок, а то шлепнешься носом!

– Многие из вас неплохо показали себя, – заключил Питер в конце пробы. – Я напишу вам в течение ближайших десяти дней. Запомните, если вас не выбрали в этот раз – в следующий, может быть, выберут. Ладно, ступайте! – Он улыбнулся.

Пожалуйста, выберите меня...

Я получила два письма. Одно от Элен, другое от Питера. Которое прочесть первым? Элен. У нее перерыв в учебе на год, и она на шесть месяцев уехала в Австралию на сбор винограда. Мне так ее не хватало!

«Эл, я голодаю. Я много работаю и ем много арахисового масла на тосте, чтобы были силы. Еще пью много восхитительного вина. Тебе бы здесь понравилось. Как твои теннисные дела?»

Прости, Элен. Я должна узнать. Отложив недочитанное письмо, я вскрыла второе.

«...я подчеркиваю, что это приглашение не означает, что вам гарантировано место в команде в течение года. Если не будут соблюдаться соответствующие стандарты поведения на корте и вне его, ваше место будет аннулировано.

Невыполнение следующих условий также может означать исключение из команды.

1. Участие в национальных чемпионатах в своей возрастной группе.

2. Предоставление (при запросе) ваших результатов для составления рейтинга».

– Билл, я прошла, я прошла! Сегодня утром пришло письмо! – визжала я в телефон.

Семь. Тренинг

Май 1987 года. Я сидела в школе на сдвоенном уроке французского. Сразу после звонка я отправлюсь в Халтон на спортивные сборы Южного региона.

В последние три месяца все мои выходные были посвящены теннису – региональные соревнования, шестичасовые тренировки, межрегиональные соревнования, спортивные сборы и состязания между школами. Мы с мамой жили в машине и наматывали мили.

Иногда я остро ощущала, как я отличаюсь от своих школьных подруг. По выходным они покупали себе наряды, ходили друг к другу в гости с ночевкой или в кино. Они уже начинали встречаться с мальчиками, влюблялись, целовались после школы или на большой перемене. Все их разговоры крутились вокруг того, кто в кого влюблен. Временами мне хотелось жить нормальной жизнью, ходить на вечеринки. Меня интересовали мальчики, хотя я не представляла себе, что могла бы с кем-то из них встречаться. Я любила теннис. Ребекка не могла поверить, что мне не скучно им заниматься. Но я не скучала – я была счастлива.

– Кто будет в эти выходные? – поинтересовалась мама, везя меня в Халтон.

– Надеюсь, что Конни, – ответила я.

Мы очень сдружились с Конни. Она играла в той же самой региональной группе, что и я, а также была моей напарницей в парной игре. На корте мы были с ней как двойняшки: одинакового роста (метр шестьдесят пять), с каштановыми волосами и веснушчатыми носами. Наша пара играла на пасхальных состязаниях. Мы выиграли по пять фунтов, которые истратили в Фенвике. Я купила носки, голубые, с рисунком овечки, а Конни крем от веснушек. Мать Конни – ирландка, маленькая, стройная и хорошенькая – была очень похожа на Фелисити Кендэл⁵. Она продавала тропические растения. Помню, как она возится с колючими стеблями в резиновых перчатках и ставит их в маленький белый фургон. Она подарила мне какое-то экзотическое растение, мама поставила его в туалете. Отец Конни был инженер-строитель, но попутно занимался и другим бизнесом – натягивал на ракетки струны.

– Анна, возможно, тоже будет, – добавила я.

Анна – та самая девочка с длинной косой и крепкими бедрами, с которой я играла год назад в Алверстоке. Еще в младенчестве она играла в своей кроватке с мячом для мини-тенниса. Вместо обычных игрушек и кукол ее отец повесил ей мяч на веревочке, и она по нему била. Ее родители отчаянно желали увидеть ее успех и всячески подталкивали ее. На последнем региональном турнире я видела, как ее отец прятался за занавесями, обрамлявшими корт, и шептал ей: «Играй ударом справа, используй ее слабую подачу». Она победила, и он вложил ей в руку золотое колечко. Я вся иззавидовалась и спросила у мамы, может ли она дать мне один фунт, если я выиграю. Мама сказала «нет».

– Что тебе больше всего нравится в таких сборах? – спросила мама.

– Я могу сказать тебе, что я больше всего ненавижу, – ответила я. – Упражнения для фитнеса и беговую дорожку. Она всегда появляется к концу выходных, когда силы уже покинули нас.

– Какой ужас! – Мама рассмеялась.

Беговая дорожка пищала, и под эти «бип, бип», которые звучали все быстрее и быстрее, тебе надо было пробежать определенную дистанцию. Я всегда боялась сдать раньше всех. Иногда я по-настоящему ненавидела тренировки. Мне хотелось быть там, на корте. Питер любил гонять нас с утра по полям.

Я повернула к себе зеркальце над лобовым стеклом.

⁵ Известная британская телевизионная актриса (род. в 1945 г.).

– Мам, как ты думаешь, мы похожи с тобой? – спросила я, меняя тему.

– Ну, у нас с тобой продолговатый овал лица, голубые глаза, маленький нос, вот только у тебя нет моего длинного подбородка и кудрявых волос. Ты больше похожа на папу, чем на меня... Проклятье. Кажется, мы прозевали поворот.

– У меня папины большие уши. Лучше бы они были маленькими, как твои. И у меня его зубы. А брекеты просто убивают меня, жутко хочется их выплюнуть! – Я нахмурилась и сердито подергала за металлическую скобку.

– В наше время мы не могли обратиться к ортодонту, и гляди, какие у меня зубы. – Мама чуть повернулась и быстро показала мне рот с неправильным прикусом. – Ладно, Элис, мне надо на дорогу смотреть, а то зевнем и последний поворот на Халтон.

Вот мы и в Халтоне, небольшом городке. Спальни были в корпусах возле главного здания.

– Желаю приятно провести время, – повышенно громко проговорила мама. – Я за тобой приеду...

Я торопливо чмокнула ее и толкнула в машину. Мне было стыдно слишком долго обнимать маму. Это некруто. Я получила ключи от своей комнаты, швырнула на кровать сумки и присоединилась к нашим девочкам, собравшимся в общем зале. Мы были ввосьмером. Я села за круглый столик рядом с Конни. По другую сторону от нас был бильярдный стол.

– Мы с тобой будем вместе, – шепнула Конни.

Питер, одетый в красно-голубой тренировочный костюм, появился с пачкой бумаг.

– Элис, привет, – обратился он сразу ко мне. – Пожалуйста, раздай всем эти листки. Там наше расписание и другая информация.

Я посмотрела в бумаги. Тема сборов называлась «Ментальная сторона игры и позитивный словесный настрой».

– Вера в себя – это ключ к успеху, – сказал нам Питер. – В игре важна ментальная сторона. Теннис – как большой пазл, выпал один кусочек, и вся картинка испорчена.

Конни его не слушала; она нацарапала мне записку – ей очень нравится Джейсон, сидящий напротив нее. Я написала в ответ, что предпочла бы Люка. И тут почувствовала на плече чью-то руку.

– Вы приехали сюда не развлекаться, – напомнил Питер, отбирая у меня бумажку. – Не забывайте об этом. – Он пробежал глазами записку, скомкал ее и швырнул в корзину. – Вы тут собрались ради тенниса. А те, кто будет валять дурака, отсюда вылетят.

Потом у нас было немного свободного времени. Мы поужинали в столовой и сыграли в бильярд.

Суббота, вторая половина дня. Ноги дрожат от упражнений. Все утро мы занимались. Питер и другой региональный тренер работали над оценкой игроков. Они оценивали нашу общую технику, физическое состояние, умственные способности и то, сколько труда мы вкладываем в сессии. Мне нужно было, чтобы меня оценили как можно лучше. Я недавно перешла из группы Е в группу С, но должна попасть в группу А. На корте мы пробыли пять часов.

Вечером смотрели знаменитый финал Уимблдона 1980 года. Борг против Макинроя.

– Борг увлекся теннисом в детстве. Его отец отдал ему ракетку, выигранную на соревновании по пинг-понгу, – сообщил Питер. – В четырнадцать лет Борг бросил школу и за год стал игроком мирового уровня среди юниоров.

В четырнадцать! Через год я могла бы бросить школу...

– У него удивительный темперамент. Он впечатляющий пример для всех нас, – говорил Питер, вставляя видео. Оказалось – неправильно. Кто-то из мальчишек вскочил и помог ему. Питер рассмеялся: ну не может он работать даже с собственной видеокамерой, не то что с чужой!

Питер показал нам матч-марафон, в котором Борг выиграл в финальном сете со счетом 8:6. Я была заворожена и потрясена. Борг никогда не сдавался и не терял голову. Я тоже постараюсь быть такой, как Борг.

Воскресным утром мы с Конни проглотили сытный завтрак – сочный бекон, яйца и тост. Слава богу, утренняя пробежка по грязным полям была позади. С раздувшимися животами мы пошли к кортам и увидели Питера, который прыгал и прыгал, готовясь к началу наших тренировок. Я знала, что должна буду выложиться на корте по полной программе – нам предстояло сегодня несколько игр. У нас был мальчик Тим Хенман, против которого я очень любила играть, потому что с хорошими игроками и сама выступала намного лучше.

– ...но сначала будет разминка. Элис, ступай с Тимом, Конни с Джейсоном!

У Конни загорелись глаза.

Потом у меня был поединок с Анной, который я выиграла в двух сетах. Я одолела ее впервые, удивив Питера – и себя.

– Молодцы. Вы все мне понравились – на корте и за его пределами, – сказал Питер в конце сборов. Он был искренне доволен. – На следующей неделе не забудьте про отчеты, и мы скоро отправим вашу классификацию. Да, пока вы не уехали, – добавил Питер с хитрой улыбкой, – мы не выполнили еще одно упражнение.

Беговая дорожка! Как я могла забыть?

Восемь. Один день жизни. Победа в турнире

День финальных соревнований.

– Мы в третий и последний раз вызываем Элис Петерсон. Элис, подойди к столу. Пора начинать матч. Твой соперник ждет. Зрители тоже ждут тебя, – сердится организаторша турнира.

– Простите, – клянется мама. – Прямо не представляю, где она может быть. – Мама слегка опьянела. Рядом с ней всегда стоит бокал вина, но я думаю, что давление финала слишком велико.

– Она будет дисквалифицирована, – предупреждает организаторша.

Ноги не слушаются меня – хотят, но не слушаются. Я слишком нервничаю. И тут слышу объявление.

– Она дисквалифицирована, дисквалифицирована.

– Нееет! – кричу я и сажусь на кровати... Я огляделась по сторонам. Моя одежда аккуратно сложена на стуле. Слава богу. Вчера вечером я составила список моих любимых вещей, которые надену на финал.

1. Новая блузка с маленькими разноцветными треугольниками на рукавах.
2. Тренировочный костюм синего цвета.
3. Белая плетеная повязка на голову.
4. Белые носки с красными помпончиками (я люблю одежду от «Элесс», но мама говорит, она слишком дорогая; однако носки я все-таки могу себе позволить).
5. Новые кроссовки «Рибок».
6. Бабушкины панталоны, чтобы положить в них мяч – пришлось взять мамины.

Я соскочила с кровати и стала одеваться.

Время завтрака.

– Не забудь налить свежей воды во фляжку, – проворчала мама. – У одной девочки случился ужасный понос, она неделю не меняла воду.

Том нашел это невероятно смешным и пролил себе на свитер чай, добавив к пятнам от кетчупа новые. Потом, глядя на меня, скорчил глупую рожу.

– Бабушка тоже хочет поехать с нами и поболеть за тебя. Мы захватим для нее складной стул.

Бабушка совершала «королевское турне», как она это называла, объезжая внуков. Она вошла в кухню и поцеловала Тома и меня, сказав «доброе утро», села к столу и стала есть. Ее завтрак составили апельсин, нарезанный аккуратными дольками, и кусок хлеба с медом. Бабушке 86 лет, но она замечательно бодрая и подвижная. Вот только зрение подводит ее. На ней была красивая бледно-розовая блузка, заколотая круглой серебряной брошью.

– В Африке у нас были потрясающие теннисные турниры, – проговорила она с ностальгией. Жизнь бабушки была полна контрастов и перемен. Она выросла в замке Лонгфорд, но в 1920-е и 1930-е годы жила в Африке, в Родезии. Они с дедом построили ферму и дом в диком африканском вельде. Маме очень хотелось съездить туда и взглянуть на тот старый дом, где она провела первые десять очень счастливых лет своей жизни. Мне бы тоже хотелось. Может быть, когда-нибудь я там побываю.

– Твой дед сделал корт из муравьиных куч. Мы играли вечерами, когда спадала жара и вся работа по ферме была сделана.

– Вы хорошо играли, бабуля?

– Да, очень неплохо, – с гордостью кивнула она.
– Выезжаем через десять минут. Ты готова? – спросила мама.
– Да, да, я готова уже сейчас, – ответила бабушка.
– Вы с мамой всегда исчезаете. Оставляете меня одного. Но мне плевать! – с этими словами Том швырнул ложку в миску с кашей. Молоко выплеснулось на скатерть.
– Том, мы уже говорили с тобой об этом, – устало напомнила ему мама. – Не надо ревновать. Папа возьмет тебя сегодня на гольф, ты забыл?
– Правильно, – строго подтвердила бабушка.
– Хм, – пробормотал Том, пожимая плечами. – Не знаю, плевать. У вас все Элис да Элис. А я никогда.
– Том, заткнись, – огрызнулась я. – Тебе семнадцать лет, а не семь.

– Элис! Ну что ты копаешься? – недовольно спросила мама. – У тебя было целое утро на подготовку! Поехали. – Когда бы мы ни выезжали, я всегда опаздывала.

По дороге в Гилдфорд меня разморило от тепла и маминой классической музыки; я мгновенно уснула. Маме пришлось будить меня за пятнадцать минут до города.

– Проснись, дочка, мы подъезжаем. Взбодрись!

Мы подъехали к клубу.

– Ма, мы приехали, просыпайся, – потормошила мама вторую соню. – Я прямо словно снотворного подсыпала сегодня утром в ваш кофе! – посетовала она с улыбкой.

– Я не сплю, дорогая. Я глаз не сомкнула за всю дорогу, – выразила протест бабушка, моментально открыв глаза. – Мы очень хорошо доехали.

Мне было некогда думать о жутковатой способности бабушки «вовсе не спать», даром что ее рот был раскрыт, глаза закрыты, и она время от времени услаждала наш с мамой слух похрапыванием. Мне надо было настроить свой мозг на теннис. Думать о своей победе.

Состязания начались на два часа позже из-за дождя. Юные теннисисты и их родители, все в прозрачных плащах и капюшонах, толпились в клубе и угрюмо поедали яичные роллы и плитки «Твикс». Стоны и жалобы на погоду и скуку доносились из всех углов. Бабушка отрешенно глядела куда-то в пространство, выставив вперед подбородок и поигрывая вставной челюстью – привычка, которую она за собой абсолютно не замечала. Надо немедленно ее остановить, в отчаянии подумала я.

– Бабушка?

– Что, дорогая? – спросила она, очнувшись. Челюсть вернулась на законное место.

– Мне скучно. Расскажи мне что-нибудь про Африку, как ты там жила.

Историй у бабушки было великое множество, так что она ненадолго задумалась.

– Ну, – неторопливо проговорила она, – я уверена, мама рассказывала тебе про тот случай... как-то мы решили прокатиться верхом, и вдруг прямо перед нашими лошадьми возникла черная мамба, подняв страшную голову. Спас нас твой дядя, он метко выстрелил. Никогда не забуду картину, как он поехал на велосипеде домой, намотав на него змею.

– Брррр. – Я поежилась. – Расскажи еще что-нибудь.

– О, привет, Элис, – защебетала миссис Бетти писклявым голосом, перебив нас. – Моя Джулия так хорошо выступила на этом турнире три года назад! – Тут она мгновенно погрузилась. Потом снова встрепенулась. – Когда ты играешь? Я с удовольствием погляжу на твое выступление. – У нее заблестели глаза и слегка высунулся язык.

Миссис Бетти знали все. Ее дочь бросила теннис, но сама миссис Бетти все равно круглый год ходила на соревнования со своей маленькой старомодной сумочкой.

Теннис стал частью ее жизни, ее досугом, и она не могла от него отказаться.

Наконец объявили меня, и я почувствовала противную пустоту в животе, словно мне предстояло промчаться на большой скорости по горбтому мосту.

Когда я играла, маме приходилось что-то делать с руками. Она всегда захватывала с собой вязанье; на этот раз она вязала красный свитер для Элен. У ее ног стоял бокал вина. Какая-то сильно надушенная хэмпширская мамаша села рядом с ней. На ней был шикарный, с плечиками, жакет типа Джоан Коллинз⁶, и она держала на поводке двух невероятно ухоженных йоркширских терьеров. Мама оживилась при виде красных бантиков в их шерсти и маленьких попонок из шотландки.

– Какие прелестные собачки, – заворковала мама. – Как ваша дочь выступила в финале?

– Проиграла.

– О! Как жалко, она... – Мама примолкла.

– Она вообще не спала прошлую ночь, – быстро добавила женщина. – Мы живем над рестораном пиццы, и пятничная ночь часто бывает настоящим кошмаром. Бедная девочка выиграла бы, если бы не усталость. А как у Элис дела?

– Пока не знаю. Кажется, выигрывает. – Мама старалась говорить небрежно. На самом деле она знала счет до последнего очка. Я выиграла один сет, два гейма были вровень, одна ничья. Мамаша вообще любила делать вид, что не очень-то следят за игрой.

Матч был очень напряженный. По одному сету вровень, по четырем геймам вровень. Я билась за каждое очко. Мама дернулась и порвала вязание, шерстяные нитки в клубочках скатились с ее коленей. Бабушка ревела и хохотала, когда я промахивалась. Не думаю, что она отчетливо видела мяч. Иногда она кричала «черт, не повезло!», когда я делала победный удар. Я слышала, как мама пыталась унять ее, говорила, что все хорошо.

– Мамочка, все в порядке, гейм у Элис, – громко шептала она.

– О! – восклицала бабушка и хрипло смеялась. – Это прекрасно.

Я выиграла! После потного рукопожатия я повернулась и увидела: мама и бабушка неистово хлопают мне.

– Умница, молодец. – Бабушка поздравляла меня снова и снова.

Миссис Бетти тоже поаплодировала. У меня было такое ощущение, будто я поднялась на вершину горы, хотя никогда не верила, что смогу это сделать. А я это сделала.

Мы дождались конца дня, когда состоялось награждение победителей.

– И победительница среди девочек до четырнадцати лет: Элис Петерсон. – Новые аплодисменты. Я поднялась по деревянным ступенькам и получила кубок и коричневый конверт с двадцатью фунтами. На эти деньги я могла купить половинку топа «Элесс».

Я дома. В постели. Мой серебряный трофей лежит рядом со мной. Завтра я хочу сделать на нем гравировку. И все благодаря моему удачному январскому дню рождения! После этого лета у меня в запасе еще один год в моей возрастной группе. Я молилась, чтобы этот турнир стал в следующем году моим пропуском на национальные соревнования для возрастной группы до четырнадцати лет.

⁶ Британская актриса.

Девять. Эдинбург

Мне четырнадцать лет. Март 1988 года. Оставалось два месяца до Национального турнира в Эдинбурге. Когда же придет письмо со списком участников? У меня все основания быть допущенной к состязаниям. Я хочу, чтобы Билл мной гордился.

– Элис, кажется, мы получили письмо, – крикнула снизу мама. Я сбежала по лестнице и увидела конверт со штемпелем Ассоциации лаун-тенниса. Дрожащими пальцами я разорвала конверт. Читаю список фамилий в алфавитном порядке. Моей там нет. Я не верю своим глазам. Я должна была быть в этом списке, должна! У меня в горле образовался комок.

– Mam, я опять не попала. Меня нет даже в резервном списке. – С трудом сглотнув, я протянула ей листок. На моих глазах закипали слезы.

Мама пробежала глазами список. Потом перевернула листок и стала читать вслух, называя поочередно Кросс К. М. (Карен), Донован К. М. (Келли), Меткалф М. Э. (Мелисса), Петерсон Э. Д. (Элис), Паллин Дж. М. (Джулия)...

– Глупая девочка, ты смотрела не тот список. Это была возрастная группа до двенадцати лет. Вот, гляди вот сюда! – Она ткнула пальцем в мою фамилию.

Я выхватила у нее листок. Теперь и я увидела знакомые имена.

Петерсон Э. Д. (Элис). Облегчение. Счастье. Моя фамилия расплылась из-за слез. Конни тоже была в этом списке. Я помчалась наверх к себе в спальню и, будто учительница с красной ручкой, поставила большую жирную галочку против Шага 3 в собственном списке первостепенных планов. Теперь мне надо только тренироваться, тренироваться, тренироваться...

В Эдинбург я приехала субботним вечером на заднем сиденье микроавтобуса с эмблемой Южного региона, зажатая между чехлами с ракетками и рюкзаками. У моих ног валялись ленты, сладости и обертки от мороженого, бутылки с водой и прочий хлам. Питер вел машину, следуя крупным желтым знакам «АА» на дороге, ведущей на Национальный турнир по теннису для юниоров.

– Гляди, Национальный турнир для юниоров, – сказала я, толкнув локтем дремавшую Конни. Она сняла плеер. При виде ярко-желтых знаков я почувствовала себя серьезной теннисисткой, почти звездой.

Я никогда еще не была так далеко на севере. Яркие огни обрамляли улицы. Двери клубов и ресторанов были распахнуты настежь. Мы с Конни показывали друг другу места, куда нам хотелось пойти. Мне хотелось узнавать новое. Мне хотелось победить в турнире. Мне хотелось есть. Мне хотелось увидеть, как выглядит наш отель. От нервного напряжения мой желудок сжался в тугой узел.

Наступило воскресенье, канун соревнований, и я с Питером и ребятами из региона тренировалась на кортах с твердым покрытием. Эдинбургский спортивный комплекс произвел на нас впечатление, корты содержались в хорошем состоянии. Центральный корт, стоявший обособленно, казался похожим на святилище. И вообще, я была потрясена всем, что видела вокруг. Я наблюдала за игрой других игроков Национального турнира и видела, что тут стандарты гораздо выше, чем на обычных соревнованиях. В возрастной группе до 14 лет я стояла под номером три или четыре в нашей региональной команде и под номером два в команде графства. Я всегда показывала хорошие результаты. И все-таки боязнь позорного поражения, сомнения, слабая вера в себя и мысли, что я проиграю 6:0, 6:0, уже шевелились в моем мозгу. Дурные мысли роились в моей голове, как надоедливые комары. Надо было переловить их и уничтожить, прихлопнуть. Питер сказал нам, что он «хочет результатов»,

и тут же пробормотал, опустив голову, «но все, что вы можете сделать, это выйти на корт и сыграть на пределе своих возможностей».

Тренеры, игроки и родители нервно толклись возле кортов. Питер был явно на грани нервного срыва. Он надеялся, что хоть один из шести его подопечных проявит себя.

Собрание было назначено на шесть часов. Зал был переполнен. На турнир съехались игроки со всей страны: из Девона, Южного Уэльса, Кембриджа, Сомерсета, Эссекса, Дар-эма. Несколько игроков я узнала, но старалась держаться рядом с Конни и не отходила от нее. Директор чемпионата рассказал о правилах, потом секретарь провела переключку.

– Фил Майкок. – Всеобщий смех.

– Элис Петерсон.

– Здесь! – пискнула я – и зашла в приступе кашля. Конни стукнула меня по спине и шепнула: «Цыц, цыпленок». На протяжении почти всего собрания я мысленно репетировала это свое «здесь» и все-таки сплеховала! Мы листали страницы турнирной сетки, отыскивая раздел «До четырнадцати». Он шел под номером 64. Восемь сеяных игроков были выделены жирными прописными буквами. Мое имя было набрано обычным шрифтом.

– Я играю с сеяным под номером четыре, – удивленно сказала я Конни.

– А я с сеяным номер три. Что ж, игра получится недолгой, – сухо предсказала Конни, захлопнув программку, словно говоря, что это конец, задерживайте занавес.

На таких важных соревнованиях, как национальные, от нас также требовали быть судьями в матчах, чтобы исключить мошенничество.

– Ой, не может быть! Я сужу сеяного номер два на первом корте. – Первый корт, вероятно, был одним из самых крутых. – Мы с Конни посмотрели друг на дружку и рассмеялись.

– Тут какой-то подвох, – хмыкнула Конни. – Ведь это Национал. У нас нет никаких шансов.

– Ну и ладно, что из того, – усмехнулась я ей в ответ, – мы можем выиграть, Конни.

Понедельник, первое утро Национального турнира. В ожидании церемонии открытия все собрались возле Центрального корта. Стоял собачий холод, завывал ветер, срывая с плеч наших матерей пледы в шотландскую клетку.

– Как ты переночевала, мама? – спросила я, дрожа от холода. Мама стояла с приятельницами.

– Матрас был просто каменный, как будто спишь на полу, а муж нашей...

Но в этот момент появились мужчины в килтах и стали спускаться по ступенькам, наигрывая на волынках. Внезапно меня наполнило счастье при мысли, что я здесь, что я добралась до Национала и могу этим гордиться. Это было замечательное ощущение, и я не променяла бы его ни на что на свете. Кто знает, может быть, сегодня я выиграю. Меня охватил настоящий восторг. Были объявлены первые матчи.

Я бродила от корта к корту, смотрела на игру. Тим Хенман играл на Центральном корте, и я немного постояла там. На другом корте я услышала возглас: «Переиграть?? Мяч был на целую милю в ауте! Что ты несешь...» Мне нравилось слушать споры. Рефери говорил с девочкой, сделал ей предупреждение. Судейство изматывает нервы гораздо сильнее, чем игра. Господи. Мне опять приспичило в туалет. И в эту секунду объявили мое имя – я судила игру Карен Кросс против Тамсин Уэйнрайт. Одна надежда, что матч будет коротким! Мы втроем пошли к корту. Карен решительной поступью шла впереди. Я залезла на высокий стул, у меня дрожали коленки. Вероятно, все кругом видели мое смущение. Слава богу, теперь я сидела, держа на коленях протокол, и старалась выглядеть непринужденно, словно у меня все под контролем.

Пятиминутная разминка закончилась. Начался матч.

– Мисс Кросс выиграла жребий и решила подавать, – объявила я дрожащим голосом, теребя пальцами карандаш.

Мне нужно было заносить в протокол каждое очко. Матч растянулся на три сета. Пока что я получила только несколько сердитых взглядов от игроков, когда они считали, что я некорректно что-то объявила. Ладно, скорее бы выиграла одна из вас, а кто – мне плевать.

Матч закончился, все заплодировали. Победительница одарила меня сияющей улыбкой. Я тоже испытала какое-то чувство победы. И огромное облегчение. Теперь я могла сосредоточиться на собственной игре.

В четыре часа подошла моя очередь. Конни проиграла и ходила понурая. Она всегда ужасно злилась на себя, когда плохо сыграет. Подойдя ко мне, она пожала плечами. Я обняла ее. Она с трудом выговорила: «Удачи тебе, сыграй лучше, чем я» и поскорее ушла, чтобы избежать встречи с Питером. Моя противница была гораздо крупнее меня, словно занималась еще и бодибилдингом. Девочка, у которой я судила утром, судила теперь мой матч. Она была в хорошем настроении, потому что выиграла. С моей противницей она была знакома, они переговаривались и смеялись.

Мы вышли на первый корт. Мои ноги превратились в желе, и я боялась, что не выдержу ралли. Мне так хотелось выиграть матч, но я почти боялась этого. Противница моя стояла под номером четыре в рейтинге нашей возрастной группы. На нас смотрели зрители. Я должна играть хорошо. Я могу выиграть. Я могу выиграть. Ты выиграешь, Элис. Я настраивала себя на победу. Пять минут истекли, и я переоделась в юбку. Было холодно, но таковы правила. Сейчас я попыталась вспомнить, какого цвета были на мне панталоны. Ветер был такой сильный, что то и дело задирал подол юбочки. Моя противница попила воды и быстро заколола свои светлые волосы, убрав их от лица, взяла пару мячей и направилась к задней линии, вышагивая с уверенностью супермодели. Она выиграла жребий и стала подавать.

Пятнадцать – ноль, тридцать – ноль, сорок – ноль... Ничего не летело через сетку. Все мячи падали на моей стороне. Я била в сетку. Мамино лицо скривилось, когда я залепила очередной мяч в самый низ сетки... Гейм.

Свечка. Я побежала назад. Оступилась. Растянулась на корте. Ушибла локоть. Содрала на коленке кожу... Ооох, больно.

– Ты как? – спросила моя противница.

Я вскочила.

– Ничего, нормально. – Я продолжила игру.

Гейм, гейм, гейм.

– Мисс Хамплет ведет пять геймов – ноль, – объявила рефери. Тссс! «Зачем так громко?» – в отчаянии подумала я.

Я проиграла. Месяцы тренировок – и все закончилось за какой-нибудь час. Горькое разочарование. Я опозорилась. Огорчила Билла. Все мои друзья, Элен, Том и Эндрю увидят результаты в завтрашних газетах. Я видела, как мама сложила свой стульчик. Питер морщился и нервно ходил возле корта. Моя противница ждала меня. С корта мы уходили вместе. Мне было стыдно смотреть на разочарованные лица друзей.

Если бы я могла отмотать время назад и начать все с начала!.. Тогда я бы выиграла.

Десять. Нервы... нервы...

Август 1988 года. Стефан Эдберг и Штеффи Граф выступали в этом году на Уимблдонском чемпионате. Я смотрела, как они целовали свои трофеи на Центральном корте, и тоже хотела там быть. Я поехала туда во второй вторник на корт номер один, но весь день лил дождь, и я сидела рядом с женщиной, от которого несло потом.

Я в Истборне, в Девоншир-Парк. Участвовала в Национальном первенстве в возрастной группе до четырнадцати лет. Это эквивалент Национального первенства в Эдинбурге, но если там играют на корте с твердым покрытием, то этот корт с травяным покрытием предназначался для проведения британских чемпионатов среди юниоров. Была среда, третий день соревнований.

Светило солнце. Травяные корты выглядели безупречно, сияли белые линии разметки. Мне нравилось это место. Там играли профессионалы, там замечательная атмосфера. В игре на траве есть что-то особенное, потому что на таких кортах играют и в Уимблдоне.

Несколько пожилых людей наблюдали за игрой, полулежа в полосатых шезлонгах. Они сосали конфеты. Один сказал нам, что любит смотреть на молодежь и приходит сюда каждый день. Для него это такое удовольствие.

Вечерами мы с Конни шли на пирс, к игральным автоматам. Морской берег начинался прямо от нашей двери. Крики чаек разносились в солоноватом морском воздухе. Моментами мне казалось, что я приехала сюда на каникулы.

Я победила в двух первых раундах и снова играла с сеяным номером четыре – той самой девочкой, которой я проиграла в Эдинбурге. Мне очень хотелось встретиться с ней еще раз. Я была уже не такая, как тогда в Шотландии, – стала увереннее, крепче нервами и уже не боялась выигрывать. Билл верил в меня, и я тоже начинала верить в себя. Я знала, что моя противница не сомневалась в своей победе. Я случайно слышала, как она сказала, что ей повезло и что сегодня у нее будет еще один «детский матч» против меня. Мы с Конни стояли прямо у нее за спиной, но она нас не видела. Конни хотела что-то сказать, но я вовремя зажала ей рот рукой.

В случае победы я выйду в четвертьфинал. Я буду неизвестной в последней восьмерке. Эх, жаль, что не было Билла, он поддержал бы меня. Но зато здесь была Элен, вернувшаяся с Эдинбургского фестиваля, где она участвовала в пьесе. На ней была мягкая шляпка с широкими полями. Кажется, сестра испытывала еще больший восторг, чем я, она толкала меня, теребила, спрашивала, где я играю. Если мимо нас проходил какой-нибудь парень с более-менее приятной внешностью, она спрашивала, нравится ли он мне. Она никогда еще не видела, как я играю в турнирах. Я надеялась, что она будет вести себя в рамках приличия.

– Тебя вызвали, Эли, ступай, ступай! – завизжала без перехода Элен. – Удачи тебе! – В восторге она набросилась на маму с объятиями. – Ты можешь все! – Порыв ветра сдул с нее шляпу.

Судила нас Анна. Первый гейм я проиграла с нулевым счетом. Смена сторон. Моя противница выглядит безмятежной.

Против моей фамилии на табло большой круглый 0. У Сары тройка – моя противница так спокойна, что почти дремлет.

Я выиграла очко. Я выиграла гейм. Сара утратила концентрацию. Я выиграла подряд четыре гейма. Элен вскочила на ноги и громко мне аплодировала по контрасту с мамой, которая чинно сидела на стуле, пытаясь скрыть свой восторг. При смене сторон я улыбнулась обеим. Я лидировала при счете четыре – три.

– Так, давай, сейчас твой шанс, разгрови эту девчонку, заставь ее побегать, – бормотала я себе для ободрения. – Не такая она и сильная. – У меня покраснело правое бедро: я лупила по нему, приговаривая «давай, давай» после каждого очка и каждого гейма.

Мама штопала носки Тома, но я знала, что ее глаза не пропускали ничего. Элен дернула себя за рукав, когда я пропустила простой мяч. У нее сползла с плеча лямка комбинезона, а шляпа давно уже валялась на земле.

Я подала эйс.

– В первом сете победила мисс Петерсон, шесть геймов к трем, – объявила Анна. Моя противница обмякла на своем стуле, словно тяжелый мешок картошки, и швырнула на траву ракетку.

Второй сет я проиграла. Надо было повторять себе, что я выиграю. Надо было забыть, что она сеяная. Ты выиграешь, выиграешь, твердила я.

Один сет мы сыграли вничью. Моя противница успокоилась. Вокруг корта собралась целая толпа. На мою игру смотрели родители Анны. Случайно я встретилась глазами с Конни, ее улыбка сказала мне: «Вот уж никогда не думала, что у тебя это получится, но давай, давай!» Питер тоже смотрел на игру, крепко сжимая блокнот.

В финальном сете по пяти – поровну. Я забила виннер, раздались аплодисменты. Я чувствовала себя так, словно меня показывали по телевизору. Моя противница громко кричала. Отлично, не будет бахвалиться. Мама почти на меня не глядела, но про штопку забыла. Она теребила свои жемчужины, терла их о мочку уха. Элен подпрыгивала на сиденье как на иголках. Ее длинные темные волосы растрепались. При каждой моей подаче они сжимали кулаки, боясь, что я сделаю двойную ошибку и потеряю свое преимущество. Мяч прошел удачно, но Сара яростно отбила его. Я отправила мяч кросс, но он упал прямо внутри коридора для парной игры. Снова ничья.

У меня матчбол! Мне нужно только одно очко, крошечное очко. У нас последовало длинное ралли. «Ударь в сетку, в сетку, – сверлило в моем мозгу. – Выбей в аут, в аут». Мама что-то бормотала себе под нос, а Элен повторяла: «Промахнись, ну же, промахнись!» Сара ударила форхенд, мяч упал внутри коридора для парной игры. Я отбила его бэкхенд кросс.

Слишком быстро. Ударом слева она направила мяч в середину корта и метнулась к сетке. Она была возле сетки, и мне нужно было лишь обвести ее – у меня был целый корт. Я направила мяч мимо нее. Зрители ахнули. Мяч оказался в ауте на считанные дюймы. Лицо у мамы было такое, словно она стояла на гребне скалы и могла сорваться вниз из-за любого пропущенного мной очка. Мне было больно видеть все это. Элен согнулась на стуле, опустила голову и скрестила ноги, будто страдала от хронического несварения желудка.

Второй матчбол. Сара ударила по мячу, который был точно в ауте. Я взглянула на Анну, отчаянно ожидая, что она крикнет «гейм, сет и матч». Вместо этого она выкрикнула: «Ничья!» У меня не было времени на протест. Главное не злиться и не терять концентрацию.

Третий матчбол. Еще одно долгое ралли. Она сделала укороченный удар. Я подбежала к сетке и поймала его. Удар получился слабый, но я хотя бы отправила мяч назад. Она врезала с правой прямо по мне. Хотела убить меня. Быстрый рефлекс. Я выставила ракетку, надеясь на чудо. Я ударила с лета, мяч зацепил сетку, качнулся... Все на секунду затаили дыхание. Наконец он упал на другую сторону корта. Моя противница зарычала от боли. Я выиграла матч! Элен кричала, прыгала и нещадно била в ладоши, так что они стали цвета красного перца. Случайно она задела рукой сидевшего рядом с ней старичка и выбила у него изо рта грушу. Матч продолжался два с половиной часа. Я подбежала к сетке, мы с противницей обменялись вялым рукопожатием, не глядя друг другу в глаза, потом я пожала руку Анне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.